

Вениамин Вегман: материалы к биографии

В августе 2006 г. исполнилось 70 лет со дня смерти выдающегося сибирского историка В.Д. Вегмана, одного из отцов “Сибирских огней”. Дата эта не отмечалась, ведь даже в новейшей энциклопедии, посвящённой 110-летию Новосибирска, для биографии Вегмана не нашлось места. Между тем Вениамин Давыдович Вегман относится к тому очень редкому типу большевиков, которые достойны хорошей памяти. Принадлежавший к партии беспощадных разрушителей, Вегман в своей жизни в основном созидал. Понимая, что революция есть отрицание прежней культуры, он сберегал её остатки. Пореволуционное опустошение “мира насилия” его не радовало; недаром, читая горькие слова в предисловии сборника документов о русских классиках под редакцией Ю.Г. Оксмана, где говорилось о трудностях работы архивистов в период гражданской войны, заведующий Сибархива особо отчеркнул это место. Неутомимый собиратель и публикатор Вегман оставил после себя уникальные коллекции документов о гражданской войне в Сибири, хранящиеся в областном архиве, и превосходную библиотеку. По жестокой иронии судьбы этот неутомимый собиратель исторической памяти, основатель Сибистпарта, революционный публицист, оратор и член бюро Западно-Сибирского крайкома партии одним из первых исчез в сталинских чистках.

В данном очерке мы не будем касаться изученных другими исследователями проблем научно-публицистического творчества В.Д. Вегмана, а обратимся к малоизвестным и неизвестным страницам его биографии, которые открываются из ставших доступными в последние годы документов. Это и архивно-следственное дело нашего героя, и другие следственные дела на реабилитированных лиц, и многочисленные упоминания о Вегмане в делопроизводстве Западно-Сибирского крайкома ВКП (б). Благодаря им важные фрагменты личности и судьбы Вениамина Давыдовича могут быть очерчены более чётким контуром.

Прежде всего следует подчеркнуть, что он был весьма далёк от партийной ортодоксальности, особенно в 20-е годы. Работавший в “Советской Сибири” середины 20-х годов красный профессор-философ Г.И. Григоров вспоминал об историке так: “Вегман всегда говорил умно, убедительно, обнаруживал не только огромную эрудицию, но, что важнее, — самостоятельность мышления. (...) Я запомнил одно его высказывание: “Объективно Французская революция была прогрессивна в истории, но вожди якобинизма в моральном и политическом смысле стояли не на большой высоте, они часто подменяли идеалы политической демагогией — это и привело к их взаимному истреблению”. Я задал вопрос Вегману:

— Нельзя ли провести в этом отношении параллель между Французской и Октябрьской революциями?

Старик тряхнул своей красивой шевелюрой, приложил палец к горлу и тихо проговорил:

Шельмование Троцкого вызывает тревогу”¹.

Вегман чувствовал опасность разгоравшейся борьбы с внутрипартийным инакомыслием и не боялся обсуждать острые темы, что подтверждают и многие другие свидетели. Он был человеком увлекавшимся и порой подставлялся, допуская высказывания, неподобающие ортодоксальному партийцу. И когда обстановка в стране стала меняться, старейший большевик Сибири оказался под идеологическим обстрелом. В сентябре 1928 года на агитационно-пропагандистском совещании при Сибкрайкоме ВКП(б) Вениамин Давыдович вдруг предложил создать национальный гимн — вместо “Интернационала”. Также он посоветовал напомнить крестьянам, не желавшим сдавать хлеб по низким государственным ценам и попавшим под каток репрессий, что прежде их обирала буржуазия, а “военщина при Колчаке расстреливала и порола”, и вообще внушить, что сдавать хлеб государству — гражданский долг. Предложение о новом гимне сочли политически ошибочным, а П. Винокуров из “Советской Сибири” вообще объявил Вегмана рупором правого уклона за “внеклассовые” расслабляющие формулировки: дескать, как можно говорить о каких-то словесных внушениях кулакам, которых к тому же при белых никто не порол! В условиях, когда этих самых “кулаков-саботажников” сажали тысячами, Вегману пришлось признать ошибочность своих высказываний. А через пятнадцать лет Сталин, играя на национальных чувствах, заменит “Интернационал” новым гимном, где будет прославлена “великая Русь”...

Но гораздо более опасным для Вегмана стал двумя годами позднее донос бывшего троцкиста Яна Кальнина, запустившего в обращение информацию о пожертвовании директором Сибистпарта 25 руб. в пользу ссыльных троцкистов. Кальнин написал секретарю крайкома известному своей жестокостью Р.И. Эйхе, что как-то один из лидеров местных троцкистов Сурнов сказал ему: “Вегман пожертвовал 25 рублей. Он полезный для нас старичок в Крайкоме партии”. Ещё Кальнин доносил, что Вегман ему и М.Д. Кордонской рассказал анекдот про завещание Льва Троцкого, услышанный в московском трамвае: “В этом завещании Троцкий пишет, что если за границей [его] убьют или он умрёт, то пусть тела не бальзамируют и [в] мавзолей не доставляют. Средства эти лучше отдать на индустриализацию. Пусть берут только мозги, заспиртуют и отправят в Москву. Спирт отдать Рыкову, а мозги Сталину”. Этот анекдот относится к периоду 1929—1930 годов, когда Троцкий уже был выслан из СССР, а Рыков, чьё увлечение алкоголем было общеизвестным, ещё оставался главой Совнаркома.

Кальнин присовокупил, что ему и М.Д. Кордонской — как работникам своего аппарата — Вегман дал прочесть секретную стенограмму пленума Московского комитета партии, посвящённую делу секретаря МК и ЦК ВКП(б) Николая Угланова, поплатившегося должностью за поддержку правого уклона. Криминал состоял в том, что благодаря такому либерализму новосибирские троцкисты были в курсе борьбы с бухаринской оппозицией и узнавали подробности раньше, чем партактив. Самого Вегмана Ян Кальнин характеризовал как мелкобуржуазного либерала — из тех, дескать, кто при царе показывали свою “революционность” всего лишь помощью подпольщикам деньгами да предоставлением убежища в своих квартирах. Доносчик патетически восклицал: “Какую же революционность хотел продемонстрировать Вегман, жертвуя деньги

троцкистской подпольной организации?”. Насколько известно, Вегмана в символическом финансировании троцкистов обвинял только единственный донос Кальнина, но этого оказалось достаточно, чтобы постепенно подорвать его репутацию.

Конечно, Вегман категорически отрицал денежный взнос в пользу троцкистского “Красного креста”. Он утверждал, что ознакомил свой аппарат со стенограммой по делу Н.А. Угланова и М.И. Фрумкина с разрешения тогдашнего секретаря Сибкрайкома С.И. Сырцова, который санкционировал чтение острого документа по партийным ячейкам. Что же касается антисталинского анекдота, то Вегман заверял, что, услышав его, учинил скандал, “заставив пассажира, испугавшегося ареста, соскочить на ходу, не дожидаясь остановки трамвая”. Вот только как это пожилой Вегман, который из-за вставленной в горло трубки говорил только громким свистящим шёпотом, смог перепугать анекдотчика?.. Тем не менее краевая контрольная комиссия 2 декабря 1930 года вынесла решение в пользу Вегмана и постановила считать заявление Кальнина клеветническим выпадом².

Однако очередные репрессии давали повод чекистам копить материалы на Вегмана. Например, арестованный как участник рютинского “Союза марксистов-ленинцев” заведующий секцией капитального строительства крайплана К.К. Кацаран показал 30 ноября 1932 года: “В 1928 году, когда я жил в квартире Дьякова, туда часто забегал “ругаться” ВЕГМАН, но его полемика никогда не носила непримиримый характер. Это был тон недопустимой уже тогда терпимости. Значительно позже — в 29-м году — ВЕГМАН лично мне прямо говорил о своей уверенности в моих оппозиционных настроениях”³.

В ноябре 1957 года следователем УКГБ по Новосибирской области по делу Вегмана была допрошена 60-летняя Елена-Августа Бердникова — бывшая лихая сибирская подпольщица и сотрудница военной разведки на Дальнем Востоке, а на тот момент — литературный работник, член КПСС с 1917 года. Бердникова, вспоминая о Вегмане, показала, что, работая в Сибистпарте, иногда конфликтовала со своим начальником, стараясь нацелить работу Истпарта “на службу партийной пропаганде”. Вегман порой вскипал, но потом (как особо подчёркивала Августа Васильевна) признавал правоту своей ортодоксальной заместительницы. Бердникова особо отметила, что Вегман был широко известен в крае и пользовался уважением. Добавим, что среди сибирячек он вызывал и более интимные чувства.

Активность женолюбивого Вегмана была хорошо известна окружающим, недаром в спецсводке НКВД, появившейся вскоре после ареста и гибели Вегмана, зафиксированы нелестные слухи о моральном облике Вениамина Давыдовича. После убийства Кирова чекисты стали искать зиновьевцев и троцкистов, особый упор делая на вылавливание скрытых “врагов партии”. И в этой обстановке старые компрометирующие материалы обретали новую жизнь. Часть из них относилась к довольно бурной личной жизни Вениамина Давыдовича...

Оказывается, его вторая жена (первой была Мария Митрофановна Семёнова) — Евгения Георгиевна Поспелова (1894— ?) происходила из семьи опасного врага народа. В феврале 1939 года бывший алтайский подпольщик,

партизан и чекист Тимофей Фофанов, в 30-е годы подвизавшийся партследователем и бывший подчинённый руководителей краевой контрольной комиссии ВКП(б) Максима Ковалёва и Игнатия Громова, при допросе его в УНКВД обвинил М.И. Ковалёва в дружбе с Вегманом — дескать, Ковалёв и другие высокопоставленные партийцы якобы покрывали своего приятеля. А ведь жена Вегмана (“некая Пospelова”), продолжал Фофанов, лично известна ему как дочь попа-контрреволюционера, вдохновителя убийства знаменитого партизана Ефима Мамонтова. Фофанов в своё время сам вёл следствие по делу отца Пospelовой, умершего от тифа в барнаульской тюрьме. А Вегман, видимо, не знавший о роли экс-партизана и чекиста в судьбе своего тестя, как-то за выпивкой рассказывал Фофанову о том, что его жена — дочка арестованного священника. Конечно, Фофанов врал насчёт причастности священника к гибели Е.М. Мамонтова — на самом деле партизан, бывший весьма криминальной личностью, погиб в пьяной драке.

Ещё Т.Ф. Фофанов вспомнил, что на квартире Вегмана в 1932 году директор “Сибмашстроя” М.С. Богуславский сказал о видном троцкисте И.Т. Смилге, что “если бы они были с нами, то мы бы (от этого. — А.Т.) выиграли”. Такие слова вполне могли быть произнесены — ведь Вегман отлично понимал, что на смену изгнанным из партии и сосланным оппозиционерам пришли гораздо менее крупные личности. Еще Богуславский якобы рассказал Вегману, что троцкистское подполье подняло вопрос о привлечении туда Ягоды и Тухачевского, но вот это Фофанов явно сочинил либо под влиянием газет 1937-го, либо — что более вероятно — под диктовку следователя. Когда Фофанов доложил о “троцкизме” Вегмана секретарю крайкома Эйхе и начальнику 1-го отделения (которое занималось внутрипартийной оппозицией) секретно-политического отдела управления НКВД С.П. Попову, то Эйхе выслушал эту информацию очень холодно, а Попов просто промолчал. Когда же Фофанов захотел рассказать начальству о некоей “предательской роли” Вегмана в период свержения советской власти в Томске в 1918 году, то Я.Я. Озолин — заведующий секретным отделом крайкома партии и доверенное лицо Эйхе — сказал на это: “Не надо трогать старика”⁴.

Сам же Максим Ковалёв на суде в 1939 году показал, что когда он рассказал о женитьбе Вегмана на Пospelовой проезжавшему через Новониколаевск Емельяну Ярославскому, то глава Союза безбожников был очень возмущён таким “антикоммунистическим” поведением главы Сибистпарта и пригласил последнего в свой вагон для серьёзного разговора. Но Вегман всё же остался с любимой женщиной. Доносы на Вениамина Давыдовича поступали и от его столичных коллег-партийцев. Так, в 1933 г. М.И. Ковалёв получил из Москвы от Общества старых большевиков письмо, “в котором указывалось (на) непартийное поведение в быту Вегман(а)”⁵.

В 1936 г. начались аресты видных хозяйственных руководителей Сибири, когда-то связанных с оппозицией. В апреле 1936 г. в Новосибирске арестовали видного старого большевика Н.И. Муралова, бывшего командующего Московским военным округом. Говоря в ходе реабилитации о знакомых мужа, Пospelова вспомнила бывшего главу Томского уездного ревкома М.И. Сумецкого, который

до своего “ареста имел некоторые странности в поведении, чувствовалось, что он был взвинченным, нервнобольным, и помню, что над ним потешались в компании, когда он высказывал мнение о разведении свиней”. Узнав от жены об аресте Сумецкого, Вегман высказался в том смысле, что от Сумецкого “ничего хорошего нельзя было ожидать”. Такие оценки не удивительны: в середине 30-х годов Вегман, как и все прочие начальники, публично славил Сталина и скорее всего не сомневался в том, что арестовываемые НКВД бывшие троцкисты вели какую-то конспиративную деятельность. Возможно, он подозревал, что “органы” занимаются фабрикацией политических дел, но вряд ли подвергал сомнению все чекистские разоблачительные материалы. Да и отращения к чекистам не испытывал: вполне неформальные отношения связывали Вегмана с руководителями краевого ОГПУ-НКВД Л.М. Заковским и В.А. Каруцким. Тем не менее, знакомства Вегмана с арестованными троцкистами позволяли превратить его в очередного крупного заговорщика. От сломленных арестом бывших оппозиционеров удалось получить необходимые показания на Вегмана, после чего Эйхе согласился с его арестом.

О подоплёке ареста Вегмана рассказал арестованный в конце 1938 г. С.П. Попов, в руках которого (вместе с начальником секретно-политического отдела УНКВД И.А. Жабревым) до 1937 г. были все агентурные материалы на номенклатуру Западной Сибири. По свежим следам, в начале 1937 года, на партийном собрании в секретно-политическом отделе Попов рассказывал: “Дело с Вегманом. Мы имели прямые показания о том, что Вегман троцкист, что на квартире у него устраивались сборища троцкистов Муралова, Сумецкого и др. Крайком ВКП(б) санкционировал его арест. Первый допрос Вегмана производил Каруцкий. Он говорит Вегману: “Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что вы двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги”. Понятно, что после такой постановки вопроса Вегман упёрся. Он допрашивался несколько дней. Мы с тов. Невским самостоятельно предъявили ему обвинение в том, что он троцкист, что он имел организационную связь с Мураловым; нам на это Вегман прямо заявил: “Какое вы имеете право предъявлять мне такое обвинение, когда ваш начальник сам сказал, что я не троцкист”. Через 2 дня после этого Вегман сознался в том, что он троцкист, что он является членом к-р троцкистской организации”. Другой работник секретно-политического отдела (и его будущий начальник) К.К. Пастаногов к этому выступлению Попова добавил: “...Жабрев поднял большой шум, заявляя Попову: “Кто вам разрешил об этом допрашивать Вегмана?”. И только тогда, когда Вегман сам признался в своей троцкистской деятельности, Жабрев успокоился”⁶.

Именно Серафим Попов, стараясь создать впечатление о широкой заговорщицкой группе в руководстве края, вынудил начальника “Сибмашстроя” М. С. Богуславского дать показания на Вегмана. Отчаянный карьерист Попов, дослужившийся до поста начальника УНКВД по Алтайскому краю и лично избивавший арестованных, в 1939 году показал на следствии: “В июле 1936 года полученными мною показаниями известного троцкиста БОГУСЛАВСКОГО была установлена активная роль в троцкистской организации некоего ВЕГМАНА... ВЕГМАН считался старейшим большевиком Сибири. Был длительное время

организационно связан со СМИРНОВЫМ И. Н. (председателем Сибревкома. — А.Т.), с САФОНОВОЙ (женой И.Н. Смирнова. — А.Т.), БОГУСЛАВСКИМ и др. активными троцкистами. ВЕГМАНУ в Сибири непосредственно ЭЙХЕ был создан огромный авторитет. Когда был поставлен вопрос об аресте ВЕГМАНА, ЭЙХЕ запротестовал и в санкции на арест отказал, и уже был (Вегман. — А.Т.) арестован только после санкции из НКВД СССР⁷. Тут надо отметить, что Богуславский был арестован только 5 августа, за несколько дней до гибели Вегмана. Поэтому вероятнее, что Вегмана арестовали по, выражаясь чекистским жаргоном, “связям” и каким-то агентурным материалам.

В реабилитационном деле есть два рассказа об аресте Вегмана. Новосибирский писатель Глеб Пушкарёв рассказал следователю УКГБ подробные сведения о последнем дне Вениамина Давыдовича на свободе. Он указывает датой ареста 29 июня 1936 г. В этот день Вегман пригласил домой 10-12 выпускников школы №24, носившей его имя; ещё были сам Пушкарёв, писатель Афанасий Коптелов, 39-летняя Роза Иосифовна Кронгауз (она знала Вегмана с 1925 года, когда стала заведующей Крайлиты) и какой-то старый большевик, рассказывавший о своих встречах с Лениным. Когда по телефону Вегмана вызвали в НКВД, тот стал искать в тумбочке соответствующий пропуск и попросил гостей: “Идите в столовую, займите ребят, а я минут через тридцать вернусь”. Но минут через 15-20 в квартиру зашли пять сотрудников НКВД, переписали присутствовавших, причём ребята ничего не поняли в происходящем и продолжали беседовать. Выпускников спровадили, сказав им, что Вегмана вызвали на срочное заседание.

Как тогда же вспоминала Е.Г. Пospelова, в день ареста (дату она указывает ошибочную — 30 июня) на их квартире собралась большая компания, ядро которой составляли выпускники школы имени Вегмана. Были и писатели; разговор шёл о детской литературе. Неожиданно раздался телефонный звонок — из управления НКВД звонил кто-то из руководителей (возможно, сам начальник управления Василий Каруцкий) и просил подойти. На выходе из дома Вегмана встретил работник секретно-политического отдела Серафим Попов, пригласив пройти вместе с ним. До здания местной Лубянки было недалеко. Минут через пять после ухода хозяина в квартиру вошли С.П. Попов, начальник СПО И.А. Жабрев, крайпрокурор И.И. Барков и еще один, которого Пospelова не знала. Вошедшие попросили присутствовавших выйти и начали обыск, причём протокол не составляли. Были изъяты все личные документы Вегмана, “а записка В.И. Ленина, которая хранилась в коробочке на столе, была сожжена лично Жабревым”⁸.

Поскольку архивно-следственное дело не сохранилось, о допросах Вегмана есть сведения из позднейших признаний Попова на следствии. После ареста Попов, в частности, показал, что допрашивать Вегмана Р.И. Эйхе поручил лично Жабреву: “ЖАБРЕВ несколько дней не допрашивал, а разговаривал с ВЕГМАНОМ вообще. И интересовался только одним вопросом — посылал ли ВЕГМАН в 1929 году через БОГУСЛАВСКОГО деньги ТРОЦКОМУ, или нет. Конечно, ВЕГМАН на этот вопрос отвечал отрицательно.

Однажды зайдя в кабинет к б(ывшему). пом. нач. О(собого) О(тдела) УНКВД НЕВСКОМУ, я застал его за допросом ВЕГМАНА. Последний держал себя исключительно вызывающе. ЖАБРЕВ в это время куда-то из кабинета отлучился. Пользуясь этим, (я) стал допрашивать ВЕГМАНА по существу обвинения, и он на этом допросе признался в своей организационной связи с троцкистами. Когда же возвратился ЖАБРЕВ, то ВЕГМАН, отказавшись от показаний, потребовал от него свидания с краевым прокурором для передачи через него заявления на имя ЭЙХЕ о грубости, допущенной мною при допросе. В этот же вечер ВЕГМАНУ была организована ЖАБРЕВЫМ встреча с Крайпрокурором. Прокурор ПОЗДНЯКОВ (на самом деле заместитель краевого прокурора. — А.Т.), оставшись наедине с ВЕГМАНОМ (я и НЕВСКИЙ были удалены), принял от него заявление. Мною по этому вопросу был заявлен протест КАРУЦКОМУ, которым я после того был допущен к допросу ВЕГМАНА совместно с ЖАБРЕВЫМ и НЕВСКИМ. После этого ВЕГМАН дал исчерпывающие показания о своей активной антисоветской деятельности”⁹.

Евгения Пospelова не раз спрашивала о вине мужа у ведших его дело С. П. Попова и А. П. Невского, но те уклонялись от ответа, а свиданий не разрешали. Поначалу допросы были относительно либеральными. Но потом за Вегмана взялись всерьёз. Возможно, его смерть оказалась связана с приездом в начале августа 1936 г. нового начальника УНКВД В.М. Курского. Весь состав управления был ознакомлен с приказом наркома Г.Г. Ягоды о снятии Каруцкого за пьянство и слабые успехи в разоблачении “японских шпионов”. Поэтому, выслуживаясь перед новым начальником, давшим установку усиленно фабриковать дела и вскрывать “заговоры”, чекисты усилили допросы Вегмана.

В результате уже 10 августа Вегман погиб в тюрьме при до сих пор невыясненных обстоятельствах. В день его смерти Попов и Невский приехали к Пospelовой на квартиру с известием о смерти Вегмана, заявив, что могут предоставить возможность “видеть его мёртвым”. Около 16 часов за Пospelовой пришла машина из НКВД, в которой находились врач и какой-то неизвестный пожилой мужчина. Вдову отвезли на городское кладбище и позволили присутствовать на похоронах Вегмана. Позже Пospelова несколько раз была у Серафима Попова, пытаясь выяснить причины ареста и смерти мужа, но ничего не добилась: Попов отвечал, что “раз Вегман умер, то дело его прекращено, и что мне ещё нужно”¹⁰.

Документы фонда Запсибкрайкома ВКП(б) раскрывают сущность обвинений, предъявленных Вегману, позволяя увидеть конспект того, что содержали уничтоженные впоследствии протоколы допросов. Следствие установило, что “мерзкий двурушник-троцкист” Вегман в 1928 году через матёрых троцкистов Сумецкого и Богуславского “оказывал денежную помощь проживавшему за границей Троцкому (на самом деле в 1928 г. Лев Давидович находился в ссылке в Казахстане. — А. Т.) и поддерживал постоянную связь с троцкистами: Смирновым И. Н., Сафоновой, Мураловым, Сумецким, Раковским и другими. Его квартира была постоянным местом встреч и свиданий ряда видных троцкистов. Пользуясь доступом на заседания бюро Крайкома и к секретным

документам партии, Вегман систематически держал в курсе новосибирских троцкистов по интересующим их вопросам”.

Постановлением бюро крайкома от 25 июня 1937 года под предлогом немногочисленности было ликвидировано правление Западно-Сибирского союза писателей — его заменили уполномоченным от правления Союза писателей СССР. На эту должность был рекомендован сугубо партийный литератор Вивиан Итин, после ареста Вегмана возглавлявший писательское правление. В апреле 1938 года отдел контрразведки УНКВД по Новосибирской области составил справку на арест Итина, в которой безграмотно, но железобетонно утверждалось, что последний в период 1932—1936 годов вместе с врагом народа Вегманом “группировывал вокруг себя реакционных сибирских писателей”¹¹.

Жабрев и Курский 17 августа 1936 года направили в крайком спецсообщение относительно реакции новосибирцев на объявление прокуратурой о начале процесса над группой Зиновьева и Каменева. Общественность обсуждала не только информацию о грядущей расправе над бывшими партийными вождями, но и неожиданный арест и скорую смерть члена бюро крайкома Вегмана, о которой стало известно многим. Заведующий финсектором крайтреста “Маслопром” В.Г. Топоров нелюбезно отозвался как о достоверности сведений прокуратуры о троцкистских убийцах и заговорщиках (“пустая возня”, “не может быть теперь таких людей, всё это неверно, что написано про них”), так и о личности Вегмана (“давно его знаю и, кроме пакости и разврата, я от него ничего не ждал”). За корректором Михайловым чекисты записали такие слова: “Мне вот сосед (Фиалковский) говорит: “И чего ему надо, Вегману?! Жил себе как губернатор”. И действительно, умри он раньше... с почестями бы хоронили его, полгорода (бы) собрали... А теперь вот погиб бесславно”. Писатель Глеб Пушкарёв рассуждал так: “Всех их должны теперь расстрелять. Об этом, мол, говорит и передовая в “Советской Сибири” — её последние абзацы. Будет ли фамилия Вегмана фигурировать на процессе? Возможно, что и другие лица будут обвинены...” А на митинге сибирские писатели А. Коптелов, А. Пугачёв, В. Итин, М. Ошаров, М. Кравков, Г. Пушкарёв, Ершов вынесли резолюции о необходимости высшей меры наказания для Зиновьева и Каменева. Поэт Чугунов там же заявил: “Уничтожить их надо. Горбатого могила исправит”.

Два дня спустя из УНКВД в партийный синклит пришла новая информация о настроениях в обществе. Юрисконсульт Запсибторга Зверев отметил: “Врагами оказываются люди, о которых раньше никто не смог (бы) плохо подумать, вот хотя бы люди вроде почтенного Вегмана”. Начальник гаража Доронин (бывший анархист и коммунист, исключённый из партии) заявил: “...Помните, когда в 1933 г. расстреляли 63 человека, их расстреляли за то, что в стране был голод. Политбюро этим прикрыло свои преступления. Вот, возьмите Вегман(а), какой он троцкист, он такой троцкист, как я архиерей. Его надо было убрать, потому что он мешал кое-кому в крае. Вегман умный, старый большевик”¹².

На арест Вегмана откликнулся в “Правде” небезызвестный литератор-перевёртыш Исая Лежнев, добавивший чёрных красок к портрету покойного. В главной газете страны 27 августа появилась его информация “В партийной

организации Союза писателей”, где перечислялись разоблачённые как враги литераторы и, в частности, выражалось негодование по поводу того, что “уполномоченным новосибирского отделения литфонда был троцкист Вегман, который превратил местный литфонд в питательный пункт для своих преступных единомышленников”.

Имя покойного Вегмана стало постоянно сопровождать новые расправы. 6 сентября 1936 года М.С. Богуславский показал, что летом 1931 года руководители троцкистской организации в Сибири — он сам, Муралов и Сумецкий — на квартире Вегмана без присутствия хозяина провели своё совещание. Квартира Вегмана была удобной, поскольку тот “не был скомпрометирован” и о связи заведующего Сибистпартом с троцкистами никто не знал. Заговорщики договорились искать новые троцкистские кадры, особенно среди ссыльных, а также создать боевую группу для осуществления теракта против Эйхе. 11 января 1937 года очередной начальник управления НКВД С. Н. Миронов-Король направил Эйхе личное письмо с информацией по бывшему видному партизану В.П. Шевелеву-Лубкову, которому приписал постоянную заговорщицкую связь с Вегманом с 1931 года: “Прямого ответа на троцкистскую связь с Вегманом он не даёт, отделяясь заявлением: “Всякое было””¹⁵.

Что касается точных обстоятельств гибели Вегмана, то они остаются тайной до сих пор. Видный чекист Г.М. Вяткин, работавший в 1936 году начальником отделения дорожно-транспортного отдела НКВД Томской железной дороги, после ареста показал: “Вегман, будучи арестованным весной 1936 г., в первые же дни ареста умер на допросе якобы от разрыва сердца. Полагаю, что он просто был убит, так как находился в близкой дружбе с б.(ывшим) начальником УНКВД Каруцким... с которым Попов часто пьянствовал”. Здесь видно, что Вяткин слабо помнит обстоятельства смерти Вегмана, который был арестован в июне и умер отнюдь не в первые дни своего заключения. Возможно, он пытался скомпрометировать Попова, фактически обвиняя его в том, что он убил Вегмана, дабы уберечь — от обвинений в связях с врагом народа — бывшего начальника управления Каруцкого, уже покинувшего Новосибирск. Таким образом, версия Вяткина, данная под давлением московских следователей, уязвима для критики. Но раз он говорит о разрыве сердца, значит, среди работников НКВД распространялась именно такая версия.

После августа 1940 г. при невыясненных обстоятельствах бесследно исчезло следственное дело В.Д. Вегмана. Возможно, оно стало жертвой грандиозной чистки архивов КГБ, предпринятой по указанию Хрущёва в 1954—1955 гг. Однако в 1957 г., когда начался пересмотр обвинений в адрес Вегмана, оно было по возможности восстановлено — за счёт допросов его знакомых и подшивки обширных выдержек из протоколов допросов ряда видных сибирских чекистов. Известно и о других архивных потерях. Так, в ноябре 1946 г. было уничтожено — вероятно, вполне легально, по истечении десятилетнего срока хранения — оперативное дело на Вегмана, заведённое в 1936 г. как на троцкиста, “враждебно настроенного к советской власти” — как якобы “не представляющее оперативного и исторического значения”. Правда, на 1957 г. в учётно-архивном отделе управления КГБ по Новосибирской области благополучно хранились

изъятая при аресте Вегмана переписка, а также фальсифицированный акт о причине смерти этого арестованного (видимо, там-то и указывалось на “разрыв сердца”, или инфаркт). По крайней мере, при проверке дела Вегмана в 1958 г. следователю УКГБ предписывалось дополнительно допросить врачей Г.А. Прейсмана и Б.М. Быховского о том, что им известно о причинах смерти Вегмана и “почему в акте судебно-медицинского вскрытия трупа Вегмана указаны не те обстоятельства и причины смерти, которые имели место в действительности”. Такого допроса нет (вероятно, через двадцать с лишним лет тюремных медиков обнаружить просто не смогли либо и не подумали искать), но документы из оперативного дела на Вегмана, включая фальсифицированный акт судебно-медицинской экспертизы, до сих пор недоступны исследователям.

Важно отметить, что в 1957 году были оспорены не только “причины”, но и “обстоятельства” смерти учёного¹⁴. Какая ещё может быть версия смерти? Если врачей упрекали в фальсификации, то, вполне очевидно, за то, что они записали какую-то естественную причину смерти. Из этого следует, что смерть Вегмана не была естественной: либо самоубийство, либо убийство, либо причинение тяжких телесных повреждений, повлёкших смерть. Самая распространённая версия его гибели, давно обнародованная в печати — самоубийство с помощью выдергивания из горла фистулы. Однако Вегман после перенесённого дифтерита через эту металлическую трубку не дышал, а только разговаривал. И если бы Вегман выдернул трубку из трахеи, то возникает мысль, что жена это должна была заметить (впрочем, фистулу маскировала окладистая борода, да и тюремные медики могли привести труп в порядок). Странно, что Пospelову в 1957-м не допросили относительно того, видела ли она труп мужа и в каком виде. Версия чекиста Вяткина об убийстве Вегмана тоже имеет право на существование, хотя найти удовлетворительное объяснение тому, зачем потребовалось убивать признавшегося в “контрреволюционных преступлениях” арестанта, трудно. С другой стороны, много ли мы знаем о чекистской кухне и планах НКВД в отношении Вегмана? Он мог отказаться от прежних показаний и за это подвергнуться избиениям... В показаниях Вяткина важно указание на то, что смерть узника последовала именно во время допроса.

Из устных рассказов Пospelовой известно, что тюремное бельё Вегмана имело такой специфический вид, что было ясно: его держали по колено в какой-то очень грязной воде. О чекистских водных карцерах говорят показания омских арестантов, которых в 1933 году держали в специально затопленном подвале, где на заключённых бросались крысы. Скорее всего, был такой особый застенок и в распоряжении новосибирских чекистов. Да и пресловутые “грубости”, допущенные (по собственному признанию) известным своей беспощадностью С.П. Поповым, говорят о многом. Очень вероятно, что Вегман погиб от избиений. Достаточно следователю было ударить под подбородок, чтобы (вполне преднамеренно) вогнать прямо в горло трубку, с помощью которой Вегман разговаривал... Возможно, знакомство с недоступными ныне оперативными материалами местного УФСБ даст когда-нибудь ответ на этот вопрос.

Отдельно стоит сказать несколько слов о книгах нашего героя, неожиданно “прозвучавших” совсем в другую эпоху. Основная часть библиотеки с разрешения

НКВД была продана Пospelовой местной писательской организации. Как вспоминал в период реабилитации Вегмана бывший редактор “Сибирских огней” А.В. Высоцкий, он после смерти Вегмана вместе с “писателем-коммунистом” Н.А. Кудрявцевым (потом погибшим под Сталинградом) участвовал в разборе библиотеки покойного. Высоцкий запомнил, что библиотека была богатая, включала в себя немало белоэмигрантских изданий, а её владелец свои книги “как правило, никому не выдавал, боясь за их потерю”.

Личная библиотека Вегмана была, возможно, лучшей в Новосибирске. Она состояла как из историко-литературных, так и художественных изданий. Владелец покупал книги классиков философии, истории, экономики, текущие литературные и партийно-публицистические сборники. А стенограмма 14-го партсъезда, где оппозиция дала открытый бой Сталину, сохранилась даже в двух экземплярах: массовом и в выпусках, которые печатались сразу после очередного заседания и рассылались номенклатурным кадрам на места. Вегман, читая книги, нередко отмечал интересное или задевающее; так, он оставил многочисленные пометки в монументальной четырёхтомной биографии Михаила Бакунина, выполненной известным партийным публицистом, эрудитом и трудягой Ю. Стекловым, хотя эту глыбу всё же частично оставил неразрезанной.

Особенной любовью Вениамина Давыдовича были книги знаменитого издательства “Академия”, которые, похоже, были собраны им полностью. Исторические сборники, особенно касавшиеся освободительного движения, подборки литературоведческих изданий о Тургеневе, Достоевском, Чехове, Некрасове и других классиках, множество книг по истории театра исчислялись сотнями. И, конечно, широко была представлена разнообразная художественная литература: собрания сочинений классиков, отдельные издания. Вениамин Давыдович в правом верхнем углу титульного листа практически каждой книги ставил свою подпись и дату покупки; эти владельческие записи были вырезаны, и значительная часть библиотеки врага народа почти на шесть десятилетий стала собственностью сибирских писателей. В начале 1993 года библиотека новосибирского отделения Союза писателей, самую ценную часть которой составляли именно издания, проданные вдовой Вегмана, была сдана на комиссию в книжный магазин “Находка” и несколько месяцев радовала местных библиофилов потрясающими редкостями.

Конечно, значительную часть собранной Вегманом литературы чекисты изъяли, ведь у него хранилось множество запрещённых изданий. О библиотеке Вегмана кое-какие сведения сообщил чекистам в начале 1936 года арестованный новосибирский писатель А.А. Панкрушин. Он показал, что в 1934 году без ведома хозяина взял на квартире у Вегмана “нелегальный сборник” Н. Устрялова “Национал-большевизм”. Также Панкрушин брал у Вегмана другие книги, вышедшие за рубежом, в том числе и некое издание на немецком языке, посвящённое работе ОГПУ. О Вегмане рассказывали, что он мог прямо на улице публично накинуться на какого-нибудь пользователя своей драгоценной библиотеки и, не боясь неизбежных стукачей, гневно требовать возвращения “зачитанной” книги о зверствах ЧК...

Для посмертной судьбы “всесибирского летописца” показательно, что власти разрешили Пospelовой поставить на могиле Вегмана оградку и небольшой памятник, на котором была сделана надпись “о его партийности и революционных заслугах”. Имущество конфисковано не было. Пospelовой разрешили продать библиотеку Вегмана, картины, пианино (за редкий инструмент удалось выручить 9 тысяч рублей — примерно тридцать тогдашних месячных зарплат). Три недели спустя Пospelову выселили из квартиры, дав комнатку в Октябрьском районе...¹⁵

Захоронение Вегмана ныне тоже неизвестно. На месте его могилы, снесённой примерно в 1963 г. при ликвидации кладбища — хрущёвки и ДК “Строитель”. Где-то рядом — такие же неизвестные ямы, набитые останками расстрелянных за годы большевистского террора. Мир их праху.

1. Григоров Г.И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905—1927 годы. — М., 2005. С. 369.
2. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5931. Л. 28-33.
3. Там же. Д. П-9625. Т. 4. Л. 55.
4. Там же. Д. П-5931. Л. 86-87 об.; Д. П-4066. Л. 326, 328, 267.
5. Там же, л. 328 об.; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 961. Л. 77.
6. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5931. Л. 77; ГАНО. Ф. П-1204. оп. 1. д. 138. л. 40-64.
7. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5931. Л. 97.
8. Там же. Л. 74-85.
9. Там же. Л. 97; Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946 // Минувшее. Исторический альманах. — Вып. 21. — М.-СПб., 1997. С. 243-244.
10. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5931. Л. 74-75.
11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 836. Л. 8; Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-3745. Л. 1-3.
12. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 741. Л. 100, 103, 107, 109, 111.
13. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5931. Л. 110-113; ГАНО. ф. П-4. Оп. 34. Д. 19. Л. 61.
14. Архив УФСБ НСО. Д. П-5931. Л. 118, 2, 13, 181.
15. Там же. Л. 89 — 90, 52, 75; Д. П-18812. Л. 16-27.

Опубликовано в журнале Сибирские огни, номер 4, 2007